

Несчастья и страдания недооценены.

Дай мне больше отчаянья. Дай мне больше тьмы.

Одари меня искренней греховностью.

1

Тринадцатый день любого месяца, кстати, скорее выпадает на пятницу, чем на любой другой день недели. Пятница тринадцатое появляется хотя бы раз в году и три или четыре раза в год в среднем. Но для парня вроде меня, который не был христианином, — я даже не понимаю разницу между католиками и протестантами, — пятница тринадцатого означало немногим больше, чем то, что на следующий день будет суббота четырнадцатого. А теперь пошли дальше. Следующим днём была суббота четырнадцатого.

Я проснулся в своей однокомнатной квартире в «Сэнбон Накадатиури». Я посмотрел на часы и понял, что сейчас без десяти четыре часа дня.

— Да вы шутите?

Я был слегка... по-честному, — нет, безумно, — удивлён. Я проспал так много, что побил собственный рекорд. Сколько лет прошло с последнего раза, когда я проспал полдень? И не только полдень — от второй половины дня прошло уже три часа. Это наверняка останется в моей памяти пятном до конца времён.

— Я лёг в кровать в девять часов утра, так что в этом нет ничего странного. — Отогнав сонливость, я пришёл в чувства и встал с кровати.

В комнате было четыре соломенных коврика на полу и голая лампочка. Этот небольшой пяточок пространства был немыслимо классическим, и в нём было столько анахронизмов, что можно было задуматься, существовал ли он здесь с давних пор, когда Киото был ещё нашей столицей. Естественно, арендная плата была до одури низкой. Как и сам арендодатель.

Я сложил свой футон и убрал его в кладовку. Туалета или ванной не было, но было подобие умывальника, так что я умыл своё лицо, а затем оделся. В моём гардеробе не был забит одеждой, так что на одевание ушло меньше пяти минут.

Я открыл окно и впустил в комнату свежий воздух. Киото — место невероятное: с концом Золотой недели сразу же наступало лето. Будто сама жизнь до сих пор придерживается старого китайского календаря или осени и весны вообще нет.

Затем в дверь постучали. В этой квартире не было современных удобств вроде телефонного домофона. Было ровно четыре часа дня. А Микоко-тян такая пунктуальная. Я был лишь слегка поражён этим. Люди, яростно относившиеся ко времени, вроде Инокавы-сэнсэя лишь раздражали, но я понял, что чтобы называть себя человеком, нужно быть таким же пунктуальным, как хотя бы аналоговые часы. Придерживаясь этой логики, я мог сказать, что Микоко-тян была человеком.

— Эй, я иду.

Я отпер замок (вот что такое радикальное ретро) и открыл дверь. К моему удивлению, это была

не Микоко-тян.

— Прошу прощения.

Это было Асано Миико-сан, моя соседка. Ей было двадцать два года, что делало её старше меня, и она была сезонным работником. В ней было нечто странно японске, и даже сейчас она носила классическую японскую летнюю одежду. Ткань чёрная, на спине белыми буквами выведено слово «резня», и у неё был конский хвост, отдалённо похожий на самурайский. Поначалу она казалась недосыгаемой, но стоило поговорить с ней немного, как тут же становилось ясно, что она — обычный человек. Наверно, немного загадочная, но это лишь добавляло ей очарования.

— Миико-сан... да? Доброе утро.

— Ага. Ты спал?

— Да, я даже проспал немного, так что...

— Если ты столько проспал, то это, наверно, даже нельзя назвать «немного», — сухо сказала она. Она была сдержанной, из-за чего угадать, о чём она думала, было затруднительно в большинстве случаев. Но это не означало, что она полностью безэмоциональной, нет. Обычно она надменно смотрела, и изменения выражения её лица были настолько незначительными, что с виду могло показаться, что она падка на мимику.

— Прошу, проходите. Как всегда, здесь не на что смотреть, — сказал я без толики ложной скромности. Я сделал шаг назад, чтобы уступить ей, но она покачала головой.

— Неа, я пришла только для того, чтобы отдать тебе это. — Она отдала мне плоскую коробку. Она была обёрнута бумагой, на которой большими буквами было написано слово: «Закуска.»

— ...

— Там яцухаси. Любимое печенье Киото.

— Я знаю их, но—

— Они твои. И они хороши, к слову. Ну, до встречи... Мне нужно идти на работу.

Она обернулась, показав мне слово «резня». Факт того, что она никак не объяснила, почему она только что отдала мне коробку яцухаси, с трудом можно было назвать неожиданным. Она была женщиной немногословной, и стоило лишь подумать, сколько усилий пришлось бы приложить лишь для того, чтобы извлечь из неё ответ, как тут же становилось легко оправдать сложившуюся ситуацию. Поэтому вдогонку я сказал ей:

— Спасибо огромное, я определённо наслажусь ими.

Она остановилась.

— Звучит так, будто ты домой вернулся лишь сегодня утром, — ответила она, не оборачиваясь. — Колись, что было?

— ... — К чёрту эти квартиры с тонкими стенами. Хотя, как мне кажется, у них есть свои преимущества. — Эм, я просто тусил всю ночь со своим другом. Ничего мутного. И ничего захватывающего.

— С другом, говоришь? Ты часом не о той красивой голубоволосой девочке, приходившей где-то в феврале?

— Вообще-то Кунагиса из дома толком не выходит. Это был кое-кто другой. Парень.

Она кивнула с выражением абсолютного безразличия, но мне стало интересно, оживилась ли бы она, если бы я сказал: «Я болтал с тем убийцей, которого все обсуждают, под большим мостом Сидзо.» Но опять, учитывая характер Миико-сан, было более чем возможно, что она лишь хмыкнула бы, даже если бы она знала, что я не шутил.

Она кивнула, явно удовлетворённая, и начала идти по дощатому коридору. Она шла на свою подработку. Когда я впервые узнал, что её одежда была не только домашней, я не смог не озвучить своё удивление.

Я закрыл дверь и вернулся в центр комнаты.

Но почему именно яцухаси? Если подумать, то это были те самые яцухаси, которые я купил вчера на день рождения Томо-тян. Это совпадение ужасало, но оно таким и было.

— Ну да ладно.

Я сложил две коробки вместе и убрал их в угол комнаты.

Посмотрев на часы, я выяснил, что уже чуть больше четырёх часов.

Через полчаса наступила половина пятого.

— Ага, — сказал я и улёгся на полу.

Ладно. Разве Микоко-тян не собиралась приехать за мной к четырём? Я был уверен в этом. Я могу забывать что-то, но я никогда не ошибаюсь, вспоминая что-либо. Это означало, что Микоко-тян либо попала в аварию, либо потерялась, либо была беспечной. Но независимо от причины сейчас я ничего не мог сделать.

— Может, пришло время для восьми ферзей?

Конечно, в моей комнате не было ничего невероятного вроде шахматной доски, поэтому играть приходилось в своём уме. Правила задачи восьми ферзей были простыми и чёткими: просто расставь восемь ферзей на шахматной доске так, чтобы ни один ферзь не мог съесть другого. «Тренировка для мозга», не иначе. Я решал эту задачу несколько раз, так что я уже знал решение в общих чертах. Но со своей плохой памятью я всегда забывал точное расположение ферзей, из-за чего я всегда мог наслаждаться этой игрой. Ладно, это было не то чтобы увлекательно. Но это был неплохой способ убить время.

Начал я хорошо, но проблемы начались где-то на четвёртом ферзе. Вдобавок к этому я мог перестать следить за расстановкой фигур, если бы я начал позволять своим мыслям вмешиваться, и порой из-за этого мне приходилось начинать всё сначала.

Трепет от такой работы с собственным разумом был неопишуемым. Можно сказать, что он был похож на чувство, испытываемое при хождении по бревну, но чем больше фигур ты ставишь на доску — следовательно, чем ближе ты к итоговому решению, — тем сложнее тебе становится. В этом смысле всё сильно походило на игру, причём отличную. В случае провала излить своё гнев можно было лишь на себя, и в этом крылось настоящее блаженство.

И когда я собрался с силами, чтобы поставить седьмого ферзя, в мою дверь постучали с криком:

— Ик-кун!

Шахматная доска отправилась в полёт. Ферзи разбросаны повсюду.

На миг моё сердце, не говоря уже о моих мыслях, замерло.

Я подошёл к двери и распахнул её. В этот раз за ней была Микоко-тян. Она носила розовую кофточку с красной мини-юбкой, обнажавшей приличную часть её кожи.

— Доброе утро! — сказала она и помахала. Затем она широко улыбнулась. — Ик-кун, guten morgen!

— ...

— ...

— ...

— Morgen... gen... gen... Прямо как эффект Доплера или типа того. — Она была такой же улыбчивой и подвижной, как я и ожидал. Она отвела глаза куда-то в пространство. — Эм, мне тут интересно стало, и я знаю, что ты вряд ли сделаешь это, но... Ты случаем не злишься, не обижаешься, не переполнен ненавистью ко мне или не проклинаешь меня почём свет стоит? Хотя проклинание меня звучит как то, что ты бы мог сделать.

— ...

— Ну же, давай общаться! Эй! Не молчи! Когда ты ничего не говоришь, мне начинает казаться, что со мной сейчас сделают что-то ужасное!

— Твоя ладонь, — сказал я.

— Что?

— Держи свою ладонь перед своим лицом. Вот так.

— Хорошо.

Она сделала именно так, как я и сказал. Хлоп! Я ударил её по лицу её же ладонью.

— А-а-а! — нежестко завизжала она.

Получив удовольствие от этого, я вернулся, чтобы взять свою сумку. И куда я положил ящухасы?

— Боже! Ты ужасен! — сказала она, зачем-то войдя в мою комнату. — Ты так груб ко мне только потому, что я слегка опоздала? Это оскорбление, знаешь ли. Это всё равно что создать собор суд присяжных, в котором каждый присяжный — О. Джей Симпсон!

Видимо, сорок минут опоздания в сознании Микоко-тян было «слегка опоздать». Не дожидаясь приглашения, она встала в центр моей комнаты и села на пол. Она осматривала комнату и искренним любопытством.

— О-о-о-о-о, — с благоговением вздохнула она. — Ух ты, здесь ничего нет. Потрясно!

— Знаешь, подобные комплименты не особо лестные.

— У тебя и вправду нет телевизора! Ты прям как один из тех перебивающихся студентов из прошлого. Ставлю на то, что ты учишься под светом светлячков! А кто-нибудь ещё живёт в этой квартире?

— Эм, ну, сейчас дома нет мечника-халявщика, затворника, пятнадцатилетнего и тринадцатилетней брата и сестры, а ещё есть я. Получается пять человек на четыре комнаты. До недавнего времени была ещё певица, подающая надежды, но она уехала в Токио, чтобы запустить свой лейбл.

— О, так это место как бы процветает. Удивительно. То есть это означает, что здесь есть свободная комната? Хм. А атмосфера здесь уже есть, да? Наверно, мне стоит сюда въехать!

Что она могла увидеть в этой квартире, в этой комнате такого, чтобы в её голове родилась эта идея?

— Лучше не стоит, — дал ей совет я. — Ну, пошли?

— Эм, ещё нет. Ещё рано, — выпалила она.

— Но не будет ли лучше, если мы выйдем пораньше? Мы уже отстаём на сорок минут.

— Нет. Нам нужно быть там к шести. Квартира Томо-тян недалеко отсюда, так что у нас будет полно времени, чтобы доехать, даже если мы выйдем в половину шестого.

— Правда?

— Правда, — сказала она, подняв указательный палец в сторону потолка. Отрицать милоту её напыщенной жестикуляции было тяжело, но мне не казалось, что мне стоит отвлекаться и упоминать об этом, так что я промолчал. Я не хотел, чтобы она завелась ещё сильнее.

— Тогда зачем ты сказала про четыре часа? — спросил я.

— Что? А, об этом. Ну, знаешь. Эх, я не очень хороша в ориентировании по времени. Я сделала это на всякий случай, на всякий случай.

— То есть ты могла опоздать и на полтора часа? — От одной лишь этой мысли моя кровь вскипела и была готова пойти из ушей.

— Что? — сказала она, смотря мне в лицо. — В чём дело? — радостно спросила она.

— Ни в чём. Я ни о чём не думаю. Я определённо не думаю о том, что тебе стоило бы учесть чувства человека, который ждёт, когда ты приедешь. Или о том, что тебе стоит появляться именно в то время, которое ты сама назначила. Или о том, что тебе стоит хотя бы позвонить, если ты опаздываешь. Или о том, что тебе стоит лучше относиться к шахматным доскам.

— Шахматным доскам? — Она почесала голову.

Естественно, она не должна была понять это

Я нашёл яцухаши в углу комнаты и распечатал одну из коробок. Я поставил её перед ней.

— Можно?

— Конечно.

Я встал и подошёл к раковине. Я хотел вскипятить немного воды, но у меня не было чайника. Я хотел вскипятить воду в кастрюле, но даже так у меня не было горелки. Поэтому я просто налил ей стакан воды и поставил её перед ней.

Сбитая с толку, она бросила взгляд на жидкость, поданную ей, но затем она сделала вид, что не заметила стакан, не стала касаться его.

Она с радостью ела яцухаси.

— Наверно, спрашивать об этом будет неправильно, но ты случайно не бедный?

— Нет, я не особо стеснён в средствах.

Живя в этой квартире, я никак не мог доказать своё утверждение, но это было правдой. По крайней мере, я смог скопить деньги на оплату четырёхлетнего обучения в университете. Точнее, эти деньги заработка не я лично, но я ими владел.

— Тогда выходит, что ты типа бережливый? Или философ?

— Я просто плох в трате денег. Противоположность шопоголику. — Я взял немного яцухаси, она говорила. Она понимающе и слегка вяло кивнула.

Пока она сидела на коленях на соломенном полу моей комнаты, я оглядел её сверху донизу. Хм. Не то чтобы я думал о чём-то конкретном, но было нечто крайне неловкое в том, что она сидит здесь, в моей комнате. Я не знаю, можно ли это назвать неестественным или непристойным, но здесь было что-то очень сомнительное.

Я встал.

— Что? Куда ты идёшь? У нас есть ещё сорок минут.

— Сорок минут — всего лишь «немного», да?

— А-а! Ик-кун, именно это сказал бы огромный козёл! — сказала она, чересчур сильно отшатнувшись. — Ты не должен всё время злиться на меня!

— Я просто шучу. Давай перекусим где-нибудь. Невесело просто придираться друг к другу в пустой комнате.

Я закинул сумку на плечо и направился к двери.

— О-о-о, неправда, — пробормотала она, следуя за мной.

Томо-тян жила в квартирном комплексе только для студентов рядом со станцией Марутамати, в районе Нисиодзи. Лишь смотря на это бетонное здание, армированное сталью, я мог представить, насколько дороже жильё там было в сравнении с моим. Где-то я пять раз или в

десять раз, если вас надули.

Микоко-тян явно здесь уже была, потому что она уверенно вошла в главный вестибюль. Она нажала на кнопку с номером комнаты на интеркоме и на кнопку звонка.

— Здаро-о-ова! Это Микоко-тарт.

— Привет-привет. Поднимайся.

Как только из интеркома послышался слегка сонливый голос, рядом с нами распахнулась запертая стеклянная дверь. Система безопасности, автоматически закрывающая замок. Наверно, это даже перебор. Но наличие или отсутствие замка вряд ли остановит того, кто захочет проникнуть внутрь.

— Ну же, скорее. Скорее-скорее-скорее-скорее. — Микоко-тян прошла через дверь и жестом звала меня. — На шестой этаж, на шестой этаж! Нужно спешить!

— Шестой этаж всё равно никуда не убежит.

— Но он и не спустится, чтобы поприветствовать нас.

— И то верно...

Я побежал следом за ней.

— Шестой этаж почти на самом верху. Томо-тян живёт в квартире на углу, и там открывается весьма хороший вид.

— Хороший вид, говоришь?

Именно на это я никогда не надеялся, живя в своей квартире. Из окна в моей квартире можно увидеть лишь деревья.

Мы вызвали лифт и вошли в него.

— Интересно, пришёл ли уже Акихару-кун? Муими точно пришла, но...

Микоко-тян была очень возбуждена. Смотря на беззаботное выражение её лица, я не мог не подумать о том, как хорошо иметь друзей. Может, у меня с этим не получится, но для неё это очень хорошо.

Мы вышли из лифта на шестом этаже. Микоко-тян побежала по коридору и остановилась перед последней дверью.

— Сюда, сюда! — крикнула она, жестами подзывая меня. Мне захотелось спросить у неё, плевать ли ей на взгляды людей, которые смотрели на неё.

Она нажала на звонок. Через пару секунд дверь нам открыла девушка.

— Добро пожаловать, — немного вялым голосом сказала девушка — скорее всего, Томо-тян, — с сигаретой во рту. Я её представлял себе совершенно по-другому. — Итак, Микоко. Для разнообразия ты пришла вовремя? — Её коричневые волосы были уложены в саваж: некоторые пряди длинные, а остальные подстрижены под разную длину, — а её чувство моды было совершенным. Её сочетание лёгкой куртки и джинсов было очень стильным. Возможно, она

была немного выше меня, и она была такой болезненно худой, что я охотно поверил бы ей, если бы она сказала, что жить ей осталось всего сутки. И это сочеталось с её слегка кривой улыбкой.

— Привет, Муими-тян! — поприветствовала её Микоко-тян. — Привет-привет!

Судя по всему, это была не Томо-тян, а Муими-тян.

— Ой, — сказала она, наконец-то заметив меня. Без толики стеснения она оглядела меня сверху донизу. — Видимо, это наш первый с тобой разговор, «Ик-кун», — сказала она, ухмыляясь.

— Да, — безразлично ответил я. — Привет.

Похоже, моё безразличие тронуло её. Она сильно рассмеялась. Её смех был громким и не очень женственным.

— Должна признать, ты занятный парень. Думаю, мы поладим.

— Ага. — Я скорее не ответил, а вздохнул. Не то, что оправдало бы такие суждения. Вздох был таким же восторженным, как и приветствие. — Я так не думаю.

— Что ж, ладно. Нам не обязательно во всё это лезть. Входите уже. Этот тупица Акихару до сих пор не пришёл. Мы только что звонили, и он всё ещё был дома.

— Боже мой, да он никогда не изменится. В прошлый раз он сказал, что его смутила разница между часовыми поясами. Вот ведь любитель опоздать.

Микоко определённо перегибала палку. Это почти впечатляло. Но я был не в том настроении, чтобы начать доставать её по этому поводу, поэтому я молчал, пока снимал обувь.

В конце короткого коридора между кухней и ванной стояла дверь. Видимо, это была комната, разделённая на части. Миуми-тян пошла впереди нас и открыла дверь. За ней была комната на восемь или девять татами, но пол в ней был паркетным. У окна стояла кровать, а в центре — маленький столик, на котором стояли торт, закуски и ряд пустых стаканов. Это было больше похоже на неначавшуюся пьянку, чем на застолье.

Возле стола изящно сидела девушка. В этот раз это должна была быть Томо-тян. Она была даже меньше Микоко-тян и носила платье с рисунком клубники. Её волосы были заплетены в хвостики. Она слабо помахала мне.

Она была такой застенчивой, какой я её и представлял. Но что-то в ней заставило меня подумать о том, что у неё может быть какая-нибудь плохая привычка. Словно за её простым внешним видом, не дающим увидеть её насквозь, скрывается нечто большее. Думая об этом, мне показалось, что меня спросили, какой будет сумма всех целых чисел.

— Нет. Пойдите.

Это всё бессмысленно. Каждый так себя чувствует, когда впервые встречает кого-то. Технически это была моя не первая встреча с Томо-тян, но я не знал её толком, так что логично, что впечатления у меня будут именно такими.

Хм. Если так подумать, то мы могли пересечься несколько раз на семинарах по общим

дисциплинам. Я подсел к ней так, чтобы видеть её, и бросил в неё простое приветствие:

— Привет.

Она слегка скривилась при виде меня, но затем она вежливо поклонилась.

— Спасибо, что пришёл сюда, несмотря ни на что. Извини за то, что я прошу тебя об этом. — Её голос был тихим и красивым. — Я всегда хотела поболтать с тобой, так что надеюсь, что сегодня ты хорошо проведёшь время.

Я был слегка тронут её хорошими манерами. Этого я особо не видел в последнее время (особенно вчера или позавчера).

— Ха-ха-ха, лёд быстро тронулся? — сказала Микоко-тян, садясь на колени рядом со мной. Муими-тян, в свою очередь, села рядом с ней. Так мы оставили место для Акихуру-куна, который должен был рано или поздно объявиться и сесть между мной и Томо-тян.

— Ах. — Муими-тян потушила свою сигарету пальцем и положила её в пепельницу. — Так чем займёмся? С нами тут совершенно новый гость. Стоит ли нам сразу перейти к делу? Как-то глупо сидеть здесь и ждать, когда этот полудурок придёт.

— Эй, так нельзя, — возразила Микоко-тян. — В таких ситуациях мы все должны быть вместе! Верно, Томо-тян?

— Ага, Микоко права, — кивнула Томо-тян. — Ты знаешь, что он скоро будет, так что не будь такой нетерпеливой. Хорошо?

— Мне побоку, но... — Муими-тян указала на меня. — Что насчёт Ик-куна?

— Мне всё равно. Я привык ждать. — Заранее уточню, что я не привык к людям, заставляющим меня ждать. Но было чересчур хлопотно начинать спорить из-за этого, так что я слез с темы простым ответом.

Муими бросила на меня пытливый взгляд, но ответ её был простым:

— Ну, тогда ладно.

Она достала новую сигарету и бросила на меня ещё один взгляд.

— Ты против табакокурения? — спросила она.

— Сам я не курю, но ты можешь курить сколько влезет

— Эм, нет. Я воздержусь. — Она разломала сигарету, которую она ещё даже не зажгла, и положила её в пепельницу. — Я не курю рядом с некурящими.

— Вот как.

Означало ли это, что Микоко-тян и Томо-тян курят? Она ведь спросила об этом только меня, что могло указывать на это. Я был слегка удивлён.

— Эй, Муими-тян, если ты будешь так говорить, то всем будет казаться, что я курю! — снова возразила Микоко-тян. Она смотрела на нас щенячьим взглядом. По какой-то причине она будто была категорически против того, чтобы я узнал, что она курит.

— Но ты ведь куришь.

— Нет, не курю! В тот раз я просто плыла течению!

— Ага, как же. Попалась. Сам виновата. — Выслушав её небольшую истерику, Муими-тян по-дружески похлопала ей. В это же время Томо-тян с восторгом смотрела на это.

Хм. Много времени не понадобилось, чтобы увидеть динамику между ними. У нас тут хорошая, плохая и обычная девушки. От этого мне захотелось узнать, какая роль у Акихару. Наконец-то, он объявился в половину седьмого, опоздав на полчаса.

— Прошу простить меня. Я думал, что приду вовремя, но в поезде была толпа и, ну, сами понимаете, — сказал он.

— Не переживай из-за этого, — сказала Томо-тян, приветствуя его с улыбкой. Хорошая девушка.

— Поезд ни за что не приедет позже лишь потому, что в нём полно народу! И ты живёшь в пансионе, так что тебе даже не нужно было садиться в поезд! — Микоко-тян, обычная девушка. У неё хватило наглости поставить под сомнения его глупые оправдания.

— Думаешь, тебе всё сойдёт с рук после простого извинения? Тебе придётся выпить три бутылки пива, — сказала Муими-тян, протягивая ему бутылку пива. Плохая девушка.

— Ладно-ладно. Не торопи меня, Атэмия. Это ведь день рождения, а не авария. Боже, как я умён. Какого..? — Похоже, он заметил, что я тоже здесь. Он обидчиво усмехнулся. — Хе-хе, так ты действительно привела его, Аой.

Он сел рядом со мной и сказал, слегка поклонившись:

— Ну, рад встрече.

Я сделал то же самое.

Ореол беззаботности окружает его, а также его светло-коричневые волосы и его вкус в уличный моде. Наверно, непривычно видеть студента университета, одетого так, но конкретно в Рокумэйкан это было необычно. Судя по его телосложению, он мог заниматься спортом, но я не мог сказать, чем именно.

— Эм, как мне... что? Мы все должны называть его просто Ик-куном?

— Я не против.

— Правда-правда? Понял. Ты хороший парень. Тебе так не кажется, Аой?

Он бросил многозначительный взгляд на Микоко-тян. Ответила она ему взглядом растерянным:

— О, эм, да.

Судя по её ответу, она вовсе не думала, что я хороший. Конечно, если учесть, как сильно я насмеялся над ней, то это уже не казалось чем-то странным.

— Ну, начнём? — спросила Муими-тян. Похоже, она главная в этой компании из четверых. Она указала на меня. — Эм, ты ведь не пьёшь?

Я кивнул.

— Что? А это ещё что, Ик-кун? Знаешь, нельзя всё время быть таким привередливым. Алкоголь — ключевой компонент в человеческих взаимодействиях, ты знал? Точнее, я прав или как?

— Акихару! Что я говорила насчёт навязывания своей херни другим?! Я тебя, чёрт возьми, убью! — косо посмотрела на него Муими-тян. Её хладнокровие, даже некоторая сонливость вмиг стало заострённым гневом. — Ты что, уже забыл, что я тебе в прошлый раз сказала?

Акихару испуганно вздрогнул:

— Эм...

— «Эм» не принимается.

— Прости.

— «Прости» тоже. Какого хера ты извиняешься передо мной?

Акихару открыл и закрыл рот, будто но задыхающаяся рыба. Затем он посмотрел на меня.

— Прошу, прости меня, — извинился он.

— Так-то лучше, — сказала довольная Муими-тян. — Ты уж извини, Ик-кун. Он ни в коем разе не хотел тебя задеть. Ты ведь простишь его? — Она снова стала спокойной и улыбнулась мне. — Он разозлил тебя?

— Эм, мне как-то всё равно.

Атэмия Муими. Она определённо была бывшей преступницей. Нет, даже не бывшей. Мне показалось, что её коричневый саваж слегка устарел.

Наверно, мне стоит называть её «Глава».

Тем временем Микоко-тян налила в стаканы пиво с пониженным содержанием солода и поставила их перед всеми. Также она поставила передо мной стакан с чаем улун.

— Итак, кто вести будет? Может, Томо-тян, королева дня?

— Да, так оно и будет, — сказала Муими-тян. — Томо, выпьем.

Томо-тян с неохотой подняла свой стакан.

— Хорошо. За мой двадцатый день рождения и за нашего нового друга.

За ваше здоровье.

Я опрокинул стаканчик.

— Понимаешь, друзья как, ну, как... ты понял, — сказал Дзэродзаки, цинично улыбаясь. Татуировка на правой стороне его лица неприятно скривилась.

— А ты что думаешь?

— Ты меня спрашиваешь? Я думал, что мы поболтаем или типа того.

— Хех, только не говори, что я должен всё сделать. Говорят, что нужно поспрашивать мнения других, чтобы составить своё мнение. Так что позволь мне выслушать твоё. Что ты об этом думаешь? Что такое друг?

— Это несложный вопрос. Это всего лишь тот, с кем ты тусишь, обедаешь, шутить о глупых вещах. Тот, с кем тебе спокойно. Ведь друзья именно такие? — сказал он.

Затем он добавил, усмехнувшись:

— Ты уловил суть. Точниссимо. Если смотреть на это так, то друзья такие же простые, как и пироги. Вы тусите, едите вместе, вытворяете глупости и чувствуете спокойствие, и это делает вас друзьями. Если вы спасаете друг друга по первому зову, то вы близкие друзья. Если вы целуетесь иногда, то вы возлюбленные. Ох, какое же сокровище эта дружба!

— А вопрос такой: столько такая дружба длится? Год? Пять лет? Десять лет? Вечность? До завтрашнего дня?

— То есть ты считаешь, что даже дружба заканчивается?

— Я читаю, что всё рано или поздно кончается.

— Ну да. Но без конца не было бы и начала. Это крайне важный подтекст. Если ты хочешь что-то получишь, то приготовься к тому, что тебе придётся пожертвовать третью от этого. Ради отдачи от чего-либо придётся рискнуть. Если ты не способен на это, то тебе придётся жить с тем, что у тебя есть.

— Ха-ха-ха. олагаю, ты из таких.

Я не нуждался в вещах, от которых я лишь потерял бы время. Если оно всё равно закончится, то не стоило и начинать. Мне не нужно удовольствие, сопровождаемое болью.

— Почему? Как будто ты другой, — сказал я.

Если это означало никогда не грустить, то мне не нужно было бы быть счастливым.

Если это означало не лететь в утиль, то это и не должно было заканчиваться успешно.

Эволюция, наполненная риском, была пустой тратой времени.

— Эх, но на деле всё это правда, хочешь ты этого или нет, — сказал я.

— Не спорю. — Дзэродзаки засмеялся. Я промолчал.

Будь что будет.

С начала вечеринки прошло три часа. Я не стану в подробностях рассказывать, что произошло за те три часа. Никто особо не хочет, чтобы другие увидели, как они ведут себя в пьяном угаре, и особенно не хочет, чтобы об этом рассказывали остальным.

Неважно, что люди чувствуют, будучи пьяными, ведь старый добрый стыд явится к ним, и это

неизбежно. Тяжело сказать, что реально: тот, кем ты являешься под воздействием алкоголя, или тот, кем ты являешься, пока ты трезв. Но одно можно сказать наверняка: о бурной ночи, проведённой в кутеже, потом не особо хочется вспоминать. Она как одна из тех «неописуемых сцен», о которых говорил Урасима Таро.

Но, если бы я решился напечатать небольшую виньетку о событиях вечеринки смеха ради, я бы написал там что-то вроде эго:

— Как называется камень, состоящий из кислорода и азота?

— Кварц! Ха-ха-ха-ха-ха!

— Это как заградительный огонь из крупнокалиберного пулемёта с водяным охлаждением, но на деле это отряд убийц!

— Чёрт, сегодня так жарко. Почему в середине мая так жарко? Глобальное потепление? Парниковый эффект?

— Что?! Слушай сюда, чурбан, если ты хочешь пожаловаться на летнюю жару, то ты пришёл по адресу! Вываливай!

— Это ты летал в «Над пропастью во ржи»?!

— Это тропическая ночь, вот что это.

— Тогда это делает из меня тропическую рыбу!

Именно так прошли три часа.

Сейчас Микоко-тян, Акихару-кун и Томо-тян играли на PS2. Игра была гоночной. Реалистично выглядящие четырёхколёсные машины мчались по узкой трассе на экране.

Хм. Я бы не назвал это чем-то заманчивым, но было нечто приятное в наблюдении за тем, как они полностью погрузились в своё веселье. Будто они хотели поделиться частичкой своей радости со мной, и каким-то образом я ощутил себя на удивление одиноким.

— Ну, наверно, даже это—

Кто-то похлопал меня по плечу. Это была Муими-тян. Судя по её виду, она много пьёт и будучи пьяной не сильно отличается от себя трезвой даже со стороны простого наблюдателя.

«Главой» она себя не просто так называла. Не то чтобы она вообще называла себя «Главой».

— Хочешь ненадолго выйти? — спросила она, указывая на входную дверь. — Можем сходить в магазин.

— А как же Микоко-тян и остальные?

— Мы можем просто оставить их. Они всё равно не знают, что сейчас вокруг них творится.

Она была права. Я кивнул и вышел из комнаты вместе с ней. Мы дошли до лифта, спустились на первый этаж и вышли из здания.

— А магазин близко?

— Ну, пройтись придётся. Но ничего, давай прогуляемся. Я как раз протрезвею.

— Но по тебе не скажешь, что ты напилась.

— Возможно, это не видно, но напилась я конкретно. Ощущения такие, будто мой мозг перевернулся, а мозг и мозжечок поменялись местами. Прямо сейчас я хочу выбить всё дерьмо из вон того знака.

— Только не выбивай всё дерьмо из меня.

— Постараюсь, — сказала она, слегка посмеявшись. Она тряхнула головой и посмотрела на небо.

— Наша вечеринка не особа похожа на именины, — сказал я. — Мне даже интересно, достаточно ли этого, чтобы обрадовать Томо-тян. Сейчас она ещё пьяна, но интересно будет увидеть, станет ли ей грустно от этого потом.

— Да, мне и самой интересно... Но это всё равно лучше, чем грустить с самого начала. Да. полный порядок. Чтобы слететь с катушек, не обязательно нужна веская причина. Ах... Меня шатает.

— Ты будто сильно устала, Муими-тян.

— Ну, это я и получаю от тусовок с ними.

Она точно описала мои чувства. Начнём с того, что Микоко-тян уже весьма энергичная, но стоило ей напиться, как всё становилось в четыре раза хуже. К ней подключился Акихару-кун, и даже Томо-тян начала дебоширить.

— Чёрт. Наверно, если так долго воздерживаться от алкоголя, то можно попасть впросак. И за общим настроением, наверно, тяжело поспевать.

— Вот именно. Точнее, это всё ещё весело, так что не велика разница.

— Ты думаешь, что этих троих пьяниц можно в комнате без присмотра оставить?

— Они не дети. С ними всё будет хорошо. Знаешь, скорее опаснее гулять по округе посреди ночи, — сказала она.

Разумно. Серийные убийцы маньяка из Киото до сих пор продолжают. Именно поэтому она хотела, чтобы я пошёл с ней. С виду я кажуь ненадёжным и тощим, но я всё ещё парень.

— Какой же мир больной, не думаешь? Чем можно наслаждаться, разрезая человека?

— Разными ударами, наверно. — Я попытался соскочить с темы. Если меня затянут в разговор об этом, то будет неиллюзорная вероятность того, что я ляпну лишнего. Дзэродзаки не говорил мне держать рот на замке, но это не то, что мне хотелось бы рассказывать знакомым и их матерям.

— Я вообще этого не понимаю, — сказала она. — Понимаешь, я живу здесь уже двадцать. Даже я думала: «Я должна прибить этого ублюдка.» Вообще это часто происходит. Даже в наши дни. Ну знаешь: «Этому человеку лучше умереть. Его убийство послужит величайшему благу.»

— ...

— Но что с этими случайными убийствами? Я не могу понять идею получения удовольствия от самого убийства.

— Говорят, что серийными убийцами, случайно выбирающими своих жертв, движет чувство обиды. Так что это всё равно что сказать себе: «Я должен убить этого ублюдка,» — сказал я.

— Правда? Но тогда выходит, что убийства не случайны.

— Разница есть, хоть и небольшая. В случай убийцы он просто обижается на своих жертв за то, что они проходили мимо. Он обижен на весь мир. Он ненавидит мир, окружающий его, ведь он для него такой же смутный и туманный, как и воздух. Поэтому его убийства и кажутся случайными.

— Хмм... — на кивнула, но, буду честным, я всего лишь предполагал. Я не имел ни малейшей идеи о том, почему он убивал. Прошлой ночью я говорил с ним лишь о глупых и незначительных вещах, не касаясь его мотивов.

Возможно, мы приберегали самое вкусное напоследок, как пы по-детски это не звучало.

— Но это всего лишь бессмыслица, — сказал я.

Муими-тян чешет голову, смотря на меня.

Пока мы разговаривали, мы дошли до магазина. Она вошла в него पहले меня и быстро дошла до отдела с алкоголем.

— Ты хочешь купить ещё алкоголя?

— Нет, его там и так навалом. Лучше взять «покари». Нужно протрезвить их, иначе они не смогут дойти до дома.

— Понял.

Мы положили в корзину три двухлитровых бутылки спортивных напитков «Покари», взяли два или три вида закусок и пошли на кассу.

Наверно, этого следовало ожидать, но в итоге я нём всё это.

— Мне всё равно, если ты закуришь. Мы и так снаружи.

— Правда?

— Ну, наверно, грубо одновременно ходить и курить, но сейчас ночь и никого рядом нет, так что, думаю, нет в этом ничего плохого, если ты не будешь сорить пеплом. — Никого вокруг действительно не было, так что никто не смог бы осудить её за то, что она курит на ходу.

— Ну... нет, обойдусь. Я буду придерживаться своего решения. — Она пошла впереди и потушила сигарету пальцем. Окурок она убрала в карман. Похоже, ей не нравится сорить. Я был слегка впечатлён: будучи студенткой университета, она была порядочнее обычного студента.

— Если не возражаешь, то не жарко ли это? — спросил я.

— Не особо. Я привыкла, — сказала она, застенчиво улыбаясь. — В фильме, который мне

нравился, был дон мафии, и он делал точно так же с сигарами, но ладонью. Как-то так. Это было так круто, что я начала подражать ему.

— Хм.

— Тогда я лишь думала о том, что актёр был красавчиком, но теперь это стало привычкой. Ладно, в сторону всё это... Ик-кун, давай хотя на минуту поговорим всерьёз. — Выражение её лица немедленно стало серьёзным, будто кто-то щёлкнул переключатель. Я не мог не удивиться этому. — Поспевать за гиперактивностью Микоко ведь сложно?

— Не особо.

— Вот как? — сказала она. Выражение её лица стало ещё серьёзнее. Она на миг замерла. — Что ты думаешь о ней?

— Что я думаю?

Судя по выражению её лица, она ждала не какого-нибудь неискреннего нелепого ответа.

Но я не мог понять, к чему был этот вопрос. Я и так многого сказать о ней не мог.

— Ну, я думаю, что в её волосах есть доля красного цвета. Она примерно полтора метра в высоту и может весить примерно пятьдесят килограммов. Судя по её поведению, она человек типа В, а её астрологический знак, возможно, относится к одному из зверей. Она в целом похожа на коалу.

— Ты всерьёз думал, что я ожидала какого-нибудь нелепого неискреннего ответа? — спросила она.

Чёрт. Режим хулиганки. Ну почему мне так нравится наступать на мины, думал я. Я разорвал с ней зрительный контакт.

— Не знаю. Наверно, она хорошая девушка. Да, она слегка гиперактивная, от чего можно устать, но я знаю девушку, которая даже хуже, чем она, так что меня это особо не беспокоит.

— Хм. Какой нейтральный ответ.

— Мне не нравится подниматься волны.

— Это факт? — Она на миг замолчала и бросила на меня косой взгляд. — Ты похож на близняку, не так ли, Ик-кун?

— Я самоосознающий.

— Самоосознающий? Любопытно. Я могла и не узнать. В любом случае, позволь мне дать тебе совет. — Она сделала шаг вперёд и повернулась ко мне лицом. Мне не оставалось ничего, кроме как остановиться. Комплекс был в тридцати метрах от нас. Наверняка остальные всё ещё сидели внутри и играли. Муими-тян провела пальцами по своему саважу и бросила на меня прямой взгляд. — Мы с Микоко дружили ещё с тех пор, когда мы были соплячками.

Я кивнул.

— Если ты её хоть пальцем тронешь, я никогда не прощу тебя.

Я слегка почесал голову. Зачем она сказала мне это? Может, потому, что она злилась на меня за все мои подколы над Микоко-тян? Не похоже, что это стоит воспринимать настолько всерьёз, но Муими-тян явно не шутила, поэтому я в ответ пожал плечами:

— Ничего такого. Может, по мне и не скажешь, но я к своим друзьям отношусь хорошо.

Она моргнула прищуренными глазами.

— Ха-ха-ха-ха-ха! — рассмеялась она. Затем она развернулась. — Я признаю свою ошибку. — Она продолжила идти. — Ты просто ничего не знаешь.

На слух это было ужасное оскорбление, но в то же время это было, наверно, самое точное описание меня, которое кто-либо когда-либо давал за все девятнадцать лет моей жизни. Злиться из-за этого было сложно.

Мы вернулись в квартиру и увидели, как они до сих пор играют. Удивительно, но Томо-тян была наиболее умелой в игре. Микоко-тян отставала на целый круг.

— Эй! Испейте «покари», дурачье! Вы, пьяные сучары!

По какой-то причине Муими-тян внезапно разошлась и ударила «пьяных сучар» по их головам бутылками «Покари». Ощущения от удара по голове полной пластиковой бутылкой должны быть весьма болезненными, но их чувства от выпивки так сильно притупились, что им вообще было плевать на это.

Я не люблю шум. Я ненавижу бурность. Шумиха меня раздражает.

Но порой, раз в год или около того, всё это становится чем-то приятным. Или мне так казалось.

Я был неправ.

4

Было уже больше одиннадцати часов вечера.

— Что ж, спасибо за вечер, — сказала Муими-тян, встав на ноги. — Акихару, подбрось меня до дома.

— Ну почему? — взвыл Акихару. Он бросил на неё раздражённый взгляд, лёжа в углу комнаты. — Просто дойди сама. Мне нужно немного отдохнуть, прежде чем я пойду. При этом ты живёшь далеко отсюда, а мой дом в противоположном направлении.

— Ты мужик или как? Не говори мне, что ты даже поездки до дома не стоишь.

— Ох... ладно. — Он встал с нескрываемым раздражением, будто он знал, что ему нечем возразить. Он посмотрел на Томо-тян. — Ну, а вот и твой подарок на день рождения. — Он вытащил из сумки упакованный подарок.

— Ох... — вздохнула Муими-тян. — Точно, на дни рождения ты даришь подарки...

— Что? Что ты там сказала? Что же? А ну повтори, Атэмия-сан. — сказал Акихару-кун, ликуя

как человек, только что одолевший огра. — Не говори мне, что ты забыла принесли своей дорогой подруге подарок на день рождения! Боже мой, поверить не могу! Это что, шутка?! Ой, что же делать, что же делать?! Ради всего святого, скажи мне, что же делать?! Что же? Ну что?

— Замолкни, дубина. Разве моей улыбки недостаточно? — угрюмо ответила Муими-тян и направила к входной двери.

— Эй, постой! Да не заводись ты на раз-два! Как дитя малое! Ну вот опять. Увидимся на занятиях, Эмото! Адияос! Давай ещё как-нибудь потусим, Ик-кун! — Акихару-кун слабо помахал мне и побежал за Муими-тян.

— Пока-пока. До встречи, — вяло помахала в ответ Томо-тян.

Как только они оба ушли, она потянулась к подарку. Она развязала ленту и аккуратно приоткрыла упаковочную бумагу.

— Мне интересно, что там. Ик-кун, как думаешь, что там? — Похоже, большая часть алкоголя уже вышла из неё. Её щёки всё ещё были слегка красными, а её голос — слегка визгливым, а её личность с виду пришла в норму. — Я немного волнуюсь. Голова от такого слегка кружится.

— Ну, не думаю, что там яцухаси, — сказал я. Так сложилось, что яцухаси, которые я принёс, были поровну поделены между пятью животами всех участников вечеринки. — Судя по размеру, это может быть украшение или типа того.

— Да, возможно. О, это подвеска. Круто, не правда ли?

Это была подвеска в форме капсулы с жидким центром. Она не выглядела по-девичьи, но, как сказала Томо-тян, выглядела она круто.

— Хе-хе-хе, именно её я и ждала, — радостно сказала она, сразу примерив её. — Как она на мне смотрится, Ик-кун?

— Тебе идёт, — сказал я, но я действительно не знал.

Я сместил свой взгляд с радостной Томо-тян на Микоко-тян, дремавшей в углу. Она так сладко спала, что я не решился разбудить её. Видимо, она собиралась провести ночь у Томо-тян.

— Эй, Ик-кун, — внезапно выпрямилась Томо-тян. — Я хочу снова поблагодарить тебя за то, что ты сегодня пришёл.

— Я не думаю, что тебе нужно благодарить меня за это.

— Но тебе ведь не нравится заниматься этим?

Её вопрос был слегка странным, но прозвучал он так, будто для неё это был самый обычный вопрос. Она осторожно подняла лицо, чтобы увидеть моё.

Словно...

Она смотрела сквозь меня.

Будто она рассматривала мой мозг изнутри.

— Эм, нет, я...

— Тебе ведь не нравится открываться другим людям?

— Ничего такого. Я не ненавижу это. Мне так-то нравится дурачиться с другими, как с друзьями.

— Это ложь.

— Это правда.

— Это ложь.

— Да, это ложь.

Она смеялась надо мной. Но улыбки в её глазах не было. На вид они были грустными и одинокими. Странное сочетание выражений озадачило меня.

В чём же дело? Почему она могла выглядеть грустной, хотя она провела свой день рождения вместе с друзьями?

Ничего не могло пойти не так.

Учитывая, что здесь была...

— Микоко-тян... — сказала она, бросив взгляд на дремлющую Микоко-тян. — Она действительно хорошая девушка.

— Ага, — ответил я. Я был необычайно прямолинейным — по крайней мере, по своим стандартам. — Уверен, что она хорошая.

— Я хотела быть как она.

— Ага.

— Но я не могла.

— Хм.

Она потупила взгляд.

— А сейчас мне уже двадцать лет, и я до сих пор не могу быть как она. Я уверена, что так оно и будет дальше. Неважно, сколько лет или десятилетий пройдёт. До самой смерти я никогда не стану похожей на неё.

— А что в этом плохого? Все разные.

— Скажи мне, Ик-кун. — Она снова подняла взгляд. — Тебе когда-нибудь казалось, что ты, как человек, нечто сломанное?

Я не понимал, как ответить.

— Мне казалось. — Она улыбалась. Это была самая печальная улыбка из всех, что я когда-либо видел.

— Всем так порой кажется... — Слова сами вышли. Я не знал, искренне или нет. Это были лишь

слова утешения. Наверно, я просто говорил слова, которые не подразумевал, чтобы не видеть такую грустную Томо-тян.

Какой же я слизняк.

Как забавно.

Как неприлично.

— Всем так кажется порой, наверно. Никто не идеален. У всех есть сильные и слабые стороны. Это и делает нас людьми.

— Да, я знаю. Даже я знаю это, но ты явно понимаешь, что я не об этом говорю. Я говорю о чём-то более конечном. Точнее, о более фатальном, как о смертельном ранении.

Бах.

Эти слова взбудоражили меня.

— Как-то так.

— ... — Так вот почему я не мог хорошо понять Эмото Томоэ. Наверно, именно из-за этого.

Другими словами, давным-давно...

— Есть ещё одна я, — сказала она, указывая куда-то через правое плечо. — Когда я завожусь и веселюсь с Муими-тян, Акихару-куном, Микоко-тян и тобой, эта часть меня просто смотрит на всё это и вздыхает. Она смотрит на меня с холодным презрением, пока я веселюсь, и говорит: «То, что ты делаешь, ничего не будет стоить.»

Она вздохнула.

— Знаю, я, наверно, до самой своей смерти не стану как Микоко-тян, но, может быть, у меня это получится, как только я умру. Если я перерожусь, то я хочу вернуться в теле Микоко-тян. Я хочу уметь смеяться совершенно невинно, как она, злиться, когда я хочу разозлиться, плакать навзрыд, когда мне грустно. От этого жизнь становится отличной.

— Я... — В этот раз я сказал это от своей души: — Я не хочу перерождаться. Я просто хочу поскорее умереть.

— Могу поспорить, — сказала она с кроткой улыбкой.

Микоко-тян проснулась где-то через час. Она потрясла головой, чтобы взбодриться. На вид она всё ещё была весьма уставшей.

— И что ты будешь делать? — сказал я. — Я иду домой. Ты останешься здесь на ночь?

— Нет, я пойду... — Она изумлённо встала на ноги. — Всё нормально, я протрезвела. Дай мне ещё десять секунд.

— Конечно. Тогда я подброшу тебя до дома. — Я способен хотя бы доставить до дома, я хотел выделиться, но она этого, видимо, не поняла. Она глубоко спала с момента ухода Муими-тян.

— Ну, пока-пока, Томо-тян.

— Ага. Ещё увидимся. — Она слабо помахала.

Я взял свою сумку и пошёл к выходу. Я присел в прихожей и надел ботинки. Шнурки у них были грязные, из-за чего надевать их было сложнее, чем снимать. Подобные моменты тупо тратили время. В это же время у Микоко-тян были проблемы с ходьбой, и через разделявшую нас дверь слышался неуклюжий топот.

Наверно, из-за этого не стоило волноваться. Она довольно быстро вышла в коридор возле входа.

Она простонала, потирая голову:

— Голова болит... Кружится. Словно убийство в продуктовом, но убийца носит ролики.

— Я не имею ни малейшего понятия о том, о чём ты говоришь. Ты уверена, что не хочешь остаться здесь на ночь? Незачем перенапрягаться.

— Да нормально всё, я могу идти.

Она ковыляла по коридору на трясущихся ногах. Я пожал плечами и пошёл за ней.

— Тебе было весело? — сказала она, когда мы вышли из здания.

— Эм, наверно. Но в следующий раз я откажусь.

— Не говори так. Давай устроим ещё одну вечеринку как-нибудь! Со всеми! Когда у тебя день рождения?

— В марте.

Она была поражена.

— У меня в апреле. Ох, наверно, мне стоило пригласить тебя пораньше.

— А где ты живёшь? Я доведу тебя.

— Рядом с Хорикавой. Станцией Хорикава Ойкэ. Но сперва нужно дойти до моего места.

— Зачем?

— Мой скутер...

Насколько я помню, до меня она доехала на скутере.

— Водить-то сможешь?

— Конечно...

— Тогда ладно. — Было очевидно, что она была не в состоянии водить, но если она сказала, что может, то кто я такой, чтобы останавливать её? Когда мы дойдём, она может просто вызвать

такси, если понадобится.

Мы пошли по улице Нисиодзи до улицы Накадатиури, а затем повернули на восток. Тогда по какой-то причине откуда-то заиграла музыка Дэвида Боуи. Думая, что где-то рядом проходил квартирник, я слегка опешил, но оказалось, что это рингтон телефона Микоко-тян.

— Что? — Она вытащила телефон из сумочки. — Алло? Это Микоко-тян, смелая и энергичная девушка с озера Аси! Что? Томо-тян? — Похоже, ей позвонила Томо-тян. — Да. Да... Да, сейчас он со мной. Он идёт передо мной. Да, наверно. Хорошо, я передам.

Она передала мне телефон.

— Это Томо-тян. Она хотела, чтобы я дал тебе телефон.

— Мне? Зачем?

— ..?

Видимо, я что-то забыл у неё. Я почесал голову и взял телефон. Он был немного меньше моего, отчего ощущался он странно.

— Алло?

— ...

— Алло?

— Ик-кун.

Голос.

Он был дрожащим, будто Томо-тян что-то напугало. Возможно, в этом отчасти виноват телеон, но что-то в её голосе явно отличалось сейчас.

— Томо-тян?

— Да.

— Что стряслось? Я что-то забыл? Моя сумка с собой.

— Нет, не в этом дело. Эм... Я забыла тебе кое-что сказать.

Забыла сказать что?

— И что же?

— Забей. До встречи.

Внезапно звонок оборвался. После четырёх гудков я убрал телефон от уха. Я почесал голову, ещё три секунды смотрел на телеон, а затем отдал его Микоко-тян.

— Спасибо.

— Не за что, — сказала она, забирая свой телефон. — Так что она сказала?

— Ничего. Я не знаю, к чему всё это было.

— Что? — смутилась она, но именно я тут смутился. Томо-тян хотела сказать мне что-то? Но зачем тогда начинать и так обрывать всё?

— Что? Интересно, что же? Наверно, это был какой-то секрет. Вы между собой шушукались?

— Нет, вообще нет, но... ах, да, Микоко-тян. — Я перешёл на другую мысль. — Там сейчас кто-то есть? Я начертил пальцем круг над её правым плечом.

— Что? — Она подняла бровь.

— Точнее, тебе не кажется, что прямо сейчас на тебя кто-то смотрит? — спросил я.

— Не думаю, но... к чему это?

— Эх, если ты не чувствуешь этого, то волноваться не о чем.

— Будь там кто-то, ябы испугалась, — сказала она представляя это. — Но здесь, — она указала на собственное сердце, — здесь кто-то есть.

Я кивнул. Судя по её застенчивой ухмылке, она говорила о своём парне.

Через десять минут мы дошли до моей квартиры. На парковке стоял лишь один скутер. Это явно её скутер.

— Ух ты, это «Веспа». — Модель винтажная, белая.

И она называла Веспу «скутером»? Веспа есть Веспа и только Веспа. Называть его скутером было оскорблением. И не простое оскорбление — это было совершенное оскорбление, грозивший всему существу. Каждый за что-то готов пожертвовать своей жизнью, ради которой они продадут весь мир, и для меня этой байк былакой вещью. Я хотел накричать на Микоко-тян. Я повернулся, чтобы увидеть её лицо.

— ...

Она спала.

— Нет слов.

Она спала стоя. Какое-то время она была чертовски тихой. Возможно ли, что она лунатит? Вполне возможно. Это была сила человека, доведённая до пределов. Я пару раз ткнул её в щёку, но она отказалась просыпаться. Мне хотелось начать тянуть её лицо, но у меня не получилось бы объяснить, что происходит, если-кто-либо увидит, как я это делаю, поэтому я воздержался.

— Интересно, могу ли я просто оставить её здесь...

Если нет, то оставалось лишь два варианта.

Я простонал, поднимая её на свою спину. Она слегка пошевелилась, но не проснулась. Она была весьма лёгкой. Скорее всего, из-за её низкого роста. Или вес девушки такие.

Неся её на спине, я вошёл и по лестнице поднялся на второй этаж. Я зашагал по

заколоченному коридору в комнату рядом с моей.

Я слабо постучал.

— Сейчас буду, — послышался ответ изнутри. Миико-сан скоро открыла дверь. Она была одета в другой набор японской летней одежды, в этот раз красной. Я был более чем уверен, что именно у этого набора на спине было написано слово «предательство».

— Да? — сказала она, с подозрением смотря на девушку на моей спине. — Ты ведь всё ещё несовершеннолетний? — спросила она, немного подумав. — Ну конечно я позволю тебе спрятаться здесь, но скажу это чисто из доброты душевной: лучше сдайся полиции. Японская полиция вполне себе боеспособна. Ты вряд ли сбежишь.

— Нет, в этот раз ничего такого. Эм, эта девушка учится со мной. Похоже, она перебрала и отключилась. НВы можете позволить ей переночевать у вас?

— Что? — Она обхватила подбородок и задумалась. — Почему бы тебе самому не уложить её?

— Видите ли, она девушка. И возможно, что у неё уже есть парень, так что я не могу просто позволить ей поспать у меня, ведь так?

— Хм. Ну, если всё так, то я возражать не буду. Но то, что было дано сегодня, когда-нибудь ко мне вернётся. Игнорировать благодарность, когда нужно, — подлость.

— Понял. Хотите снова в антикварную лавку пойти?

— Да. Тогда договорились. Как её зовут?

— Микоко-тян. Эм, фамилия вроде Аои.

— Аои Микоко? Хех, странное имя, — сказала Миико-сан, забирая Микоко-тян. У каждого должен быть такой же надёжный сосед, как она.

— Ну, я тогда пошёл.

— Ага. Иди поспи. Надеюсь, ты не какой-нибудь хулиган, спящий днём.

— Что? Я никогда не сплю днём.

— Вот как? Тогда забыли. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Я поклонился и вернулся в свою комнату, где я разложил фuton и улёгся в нём.

— Пора спать.

Так и закончился этот день. Суббота, четырнадцатое мая. Нет, уже было за полночь. Уже наступило воскресенье пятнадцатое. И ровно через сутки наступит шестнадцатое, а ещё через сутки — семнадцатое.

Полночь. Ноль часов.

Дзэродзаки. Думая над тем, убивал этот неудавшийся человек свою седьмую жертву или уже

распотрошил восьмую, человек повреждённый со временем уснул.

<http://tl.rulate.ru/book/4792/3994997>